

ВЛИЯНИЕ «ЦИФРОВОГО РАЗРЫВА» НА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Doi: 10.54952/DHR.2022.61.25.030

Шахсанем САЛИЕВА,
базовый докторант Национального центра
Республики Узбекистан по правам человека

Аннотация. Статья посвящена раскрытию понятия «цифровой разрыв» и оценке влияния этого явления на обеспечение прав человека в стране, а также анализу современных тенденций и статистики «цифрового разрыва». Автором сформулированы предложения по совершенствованию Конституции Республики Узбекистан путем закрепления нормы о гарантиях доступа к информации, а также внесены рекомендации по преодолению «цифрового разрыва».

Ключевые слова: права человека, «цифровой разрыв», гендерный «цифровой разрыв», цифровая трансформация, ИКТ, право на информацию, доступ к информации, интернет.

Аннотация. Ушбу мақолада “рақамли тафовут” тушунчаси тавсифланган. Ушбу ҳодиса давлатда инсон ҳуқуқларини таъминлашга қандай таъсир қилиши, “рақамли тафовут”нинг замонавий тенденциялари ва статистикаси таҳлил қилинган. Муаллиф “рақамли тафовут” тушунчаси билан ўзаро алоқада ахборот олиш кафолати нормасини белгилаш орқали Ўзбекистон Республикаси Конституциясини такомиллаштириш бўйича таклифлар киритган, шунингдек, “рақамли бўлиниш”ни барта- раф этиш бўйича хулоса ва тавсиялар берилган.

Калит сўзлар: инсон ҳуқуқлари, “рақамли тафовут”, гендер “рақамли тафовут”, рақамли трансформация, АКТ, ахборот ҳуқуқи, ахборотга кириш, интернет.

Annotation. This article is devoted to explaining the concept of “digital divide” and how this phenomenon affects the provision of human rights in the country, analyzing current trends and statistics of the “digital divide”. The author makes proposals to improve the Constitution of the Republic of Uzbekistan, by enshrining the norm of guaranteeing access to information in interaction with the concept of “digital divide”, and also draws conclusions and recommendations for overcoming the “digital divide”.

Key words: human rights, digital divide, gender digital divide, digital transformation, ICT, right to information, access to information, Internet.

XXI в. ознаменовался бурным развитием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), в частности массовой популяризацией цифровых технологий, которые, на первый взгляд, предоставляют безграничный доступ ко всем благам человечества. Однако именно они бросают вызов для разделения людей на маргинализованные группы, тем самым порождая цифровой разрыв (на англ. языке “digital divide”) как между регионами внутри одной страны, так и в планетарном масштабе.

В русском языке не сложилось единого эквивалента устоявшегося в английском языке термина

digital divide. Используются словосочетания «цифровой барьер», «цифровое неравенство», «цифровое разделение», «цифровой разрыв», «цифровая пропасть», «дигитальная яма», «дигитальный разрыв», «цифровой занавес»¹.

Согласно определению Свободной энциклопедии Википедия “digital divide” является термином социально-политического характера, и на возможности ущемленной группы влияют отсутствие или ограниченный доступ к телевидению, интернету, телефонной связи (мобильной и стационарной), радио. Все это ограничивает возможности этой группы

¹ См.: Википедия свободная энциклопедия. <https://ru.wikipedia.org>.

в поиске работы, налаживании социальных связей, культурном обмене и может негативно влиять на экономическую эффективность, развитие и сохранение культуры, уровень образования. Термин применяется как в отношении разницы между странами (например, в 2020 г. в Исландии доступ к интернету имели 99 % населения, а в Чаде – 6,3 %), так и в отношении разницы в возможностях разных социальных слоев внутри одного общества².

Цифровой разрыв можно рассматривать в масштабе каждой страны как неравный доступ на уровне города и сельской местности, а в масштабах континентов – как различия между развитыми и развивающимися странами, между Севером и Югом. Эта проблема присутствует как на технологическом уровне, так и на информационном, т.е. существует разрыв между используемыми технологиями, а также доступом к информации между странами и внутри одной страны. Конечно, эта проблема связана в целом с экономическим развитием и развитием человеческого потенциала и включает в себя уровень развития технологий, государственной поддержки, наличие навыков применения, уровень образования в целом, и наличие высококвалифицированных специалистов, уровень покрытия территории страны телекоммуникационной сетью, цены и тарифы на услуги ИКТ в разных странах.

Женевская «Декларация принципов: построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии» от 2003 г. устанавливает, что для построения информационного общества необходимыми условиями являются: развитие ИКТ, ликвидация препятствий в целях обеспечения равноправного доступа к информации и формирование кибербезопасности³.

Логическим продолжением идей по реализации Женевской Декларации принципов стала Тунисская программа для информационного общества 2005 г., в которой были закреплены реальные механизмы по достижению намеченных целей Женевского Плана действий по построению инклюзивного информационного общества и преодоления «цифрового разрыва». Основное внимание положений данного документа было сфокусировано на финансовых механизмах для преодоления «цифрового разрыва», в частности для уязвимых групп общества и населения развивающихся стран, а также использования, в

частности, радио и телевидения в качестве инструментов образования и обучения⁴.

Согласно статистическим данным Международного союза электросвязи (МСЭ) произошло «ускорение подключения к сети в COVID-19», однако беднейшие слои населения мира остаются далеко позади. Так, по оценкам МСЭ 37 % населения Земли, или 2,9 млрд человек, до сих пор никогда не пользовались интернетом, из этих 2,9 млрд человек примерно 96 % проживают в развивающихся странах⁵.

В издании «Факты и цифры» (ежегодном обзоре МСЭ о состоянии цифровой связи в мире) за 2021 г. сообщается, что с 2019 г. произошел сильный рост числа пользователей в развивающихся странах, где проникновение интернета выросло более чем на 13 %, и в 46 наименее развитых странах (НРС), включенных в список ООН, средний рост превысил 20 %. Однако в НРС, где почти три четверти людей никогда не подключались к интернету, сохраняется огромная «пропасть в возможностях подключения». Женщины в НРС особенно маргинализированы: примерно четыре из каждых пяти все еще находятся вне сети.

В обзоре МСЭ за 2021 г. отражено, что многие из этих «цифровых исключенных» сталкиваются с серьезными проблемами, включая бедность, неграмотность, ограниченный доступ к электричеству, отсутствие цифровых навыков и осведомленности, которые усугубляются отсутствием контента на местных языках, а также интерфейсами, требующими навыков грамотности и счета, которыми многие люди не обладают⁶.

Мы солидарны с мнением Ф. Хамдамовой, которая считает, что «большинство международных инструментов в области защиты прав человека были приняты задолго до начала стремительной цифровизации всех областей человеческой жизни. Это обуславливает необходимость разработки новых стандартов по правам человека с учетом цифровой трансформации. При этом важно учесть, что пандемия ускорила цифровизацию и усугубила некоторые ее последствия. Особенно это касается преодоления цифрового разрыва, поскольку без этого иначе экономический разрыв будет углубляться»⁷.

Заслуживают внимания мнения Т. Н. Беляцкой и В. С. Князьковой, которые под цифровым разрывом понимают меру различия субъектов экономических отношений (индивидов, домашних хозяйств, органи-

² Там же.

³ Документ WSIS-03/GENEVA/DOC/4-R 12.12.2003 года. https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsis.pdf.

⁴ Док. WSIS-05/TUNIS/DOC/6(Rev.1)-R 15.11.2005 г. https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/agenda_wsis.pdf.

⁵ См.: Press Release 2.9 billion people still offline New data from ITU suggest 'COVID connectivity boost' – but world's poorest being left far behind <https://www.itu.int/en/mediacentre/Pages/PR-2021-11-29-FactsFigures.aspx>.

⁶ Там же.

⁷ Хамдамова Ф. Влияние цифровых технологий на права человека: позитивное влияние, риски, тенденции и перспективы развития (мировой и национальный опыт). // International Journal of Innovative Technologies in Social Science. 6 (27), September 2020. – С. 116–122. DOI:https://doi.org/10.31435/rsglobal_ijitss/30092020/7195.

заций, отраслей, стран, регионов и т.п.) в обеспеченности информационно-коммуникационными технологиями и использовании сети Интернет, вызванную взаимодействием различных факторов (экономических, социальных, технических, инфраструктурных, языкового фактора, а также фактора знаний и навыков в сфере ИКТ). Далее авторы выделяют следующие факторы, оказывающие влияние на цифровой разрыв: экономические, социальные, технические, инфраструктурные, языковой фактор, а также фактор знаний и навыков в сфере ИКТ⁸.

По нашему мнению, «цифровой разрыв» феномен достаточно сложный и многогранный, и как верно было отмечено отечественным экономистом Н. Н.Турсуновым, «... для успешной адаптации к происходящим изменениям и сокращения технологического разрыва с ведущими игроками Узбекистану, как и многим другим странам, необходимо своевременно выработать действенные ответы на вызовы цифровой эпохи»⁹.

Принятая Указом Президента от 6 октября 2020 г. Стратегия «Цифровой Узбекистан – 2030»¹⁰ содержит конкретные пути и направления деятельности по преодолению цифрового разрыва как внутри страны, так и международном уровне. В этом документе представлены конкретные планы, цифры, сроки и дорожные карты развития инфраструктуры ИКТ и развития IT-технологий в стране. На сегодняшний день в разных регионах страны уже проделана большая работа в этой сфере, и есть надежда, что заявленные цели будут выполнены.

Так, уровень охвата цифровым телевидением населения Узбекистана с 2018 по 2022 г. составляет 100 %¹¹, пропускная способность международной сети передачи данных составила в 2022 г. 1 800 Гбит/с¹², стоимость тарифов на интернет-услуги (внешнего канала) для провайдеров (долл. США) в 2022 г. – 3 долл.

США¹³, общая протяжённость волоконно-оптических линий связи в 2022 г. составила 118 тыс. км.¹⁴, количество абонентов мобильной связи – 29 млн. абонентов¹⁵, количество базовых станций мобильной связи – 45 890 шт.¹⁶

Министерством информационных технологий и связи Республики Узбекистан поставлены задачи для достижения целей ускоренного развития цифровой инфраструктуры в стране, ликвидации «цифрового разрыва» между городскими и сельскими территориями и создания необходимых условий для повышения качества предоставляемых услуг¹⁷. Узбекистану есть куда стремиться в преодолении «цифрового разрыва», поскольку именно ликвидация «цифрового разрыва» может стать гарантией обеспечения универсального права человека на доступ к информации.

Так, в некоторых европейских странах, таких как Франция, Испания, Эстония и Финляндия, интернет признан универсальной услугой, и в этих странах законодательно закреплено, что государство обязано обеспечить право на доступ в интернет каждого человека¹⁸.

Примечательно, на наш взгляд, опыт Коста-Рики, которая запустила инициативу под названием «Espacios Públicos Conectados» («Подключенные общественные пространства»), направленную на сокращение «цифрового разрыва» в стране через FONATEL (Национальный телекоммуникационный фонд). Цель этой программы – предоставление бесплатного интернета в 170 общественных местах по всей стране (в том числе в парках, на площадях, в публичных библиотеках, на вокзалах и в общественных центрах), и страна комплексно занимается продвижением «цифровой грамотности» населения в целом¹⁹.

Также в этой стране предпринимаются активные и успешные усилия по сокращению гендерного

⁸ Беляцкая Т. Н., Князькова В. С. Цифровой разрыв в современном информационном обществе // Экономическая наука сегодня. Вып. 10. – 2019. – С. 209–217.

⁹ Турсунов Н. Н. Цифровая экономика: особенности, тенденции и пути дальнейшего развития // «Иқтисодийот ва инновацион технологиялар» илмий электрон журналы. 2017. №5. – С.1–11 // http://iqtisodiyot.tsue.uz/sites/default/files/maqolalar/Tursunov_0.pdf.

¹⁰ Указ Президента Республики Узбекистан от 5 октября 2020 г. №УП-6079 «Об утверждении Стратегии «Цифровой Узбекистан – 2030» и мерах по ее эффективной реализации» // <https://lex.uz/docs/5031048>.

¹¹ См.: Статистические данные из официального веб-сайта Министерства информационных технологий и коммуникаций Республики Узбекистан <https://mitc.uz/ru/stat/11>.

¹² См.: <https://mitc.uz/ru/stat/2>.

¹³ См.: <https://mitc.uz/ru/stat/5>.

¹⁴ См.: <https://mitc.uz/ru/stat/6>.

¹⁵ См.: <https://mitc.uz/ru/stat/7>.

¹⁶ См.: <https://mitc.uz/ru/stat/8>.

¹⁷ См.: Ахборот технологиялари ва коммуникацияларини ривожлантириш вазирлиги томонидан 2021 йилда олиб борилган ишлар таҳлили // <https://telega.ph/Ahborot-tehnologiyalari-va-kommunikacyalarini-rivozhlantirish-vazirligi-tomonidan-2021-jilda-olib-borilgan-ishlar-ta%D2%B3lili-01-10>.

¹⁸ Алисевич Е., Николаев А., Кебурия К. Влияние цифровизации на международные стандарты в области прав человека и обязательства государств по их соблюдению. // Международное правосудие. №4 (40) С. 57-76.

¹⁹ См.: Costa Rica to provide free internet in bid to reduce the country's digital divide. <http://digitalinclusionnewslog.itu.int/2019/02/08/costa-rica-to-provide-free-internet-in-bid-to-reduce-the-country-digital-divide>.

«цифрового разрыва». К примеру, доступ для женщин был включен в Национальный план развития телекоммуникаций на 2015–2021 гг., который, среди прочих инициатив, предусматривает субсидирование интернет-подключения для женщин-предприниматель²⁰.

В декабре 2018 г. МСЭ подсчитал, что впервые более половины мира подключилось к интернету. И все же, по их обновленным данным, через два года, в декабре 2020 г., большинство женщин всё ещё оставались вне сети. «Цифровой разрыв» имеет глубокий гендерный разрыв, и стратегии подключения, направленные на обеспечение всеобщего доступа, должны решать эту проблему. К сожалению, гендерные цели по-прежнему слишком редко встречаются в политике широкополосного доступа. Из всех областей политики, изученных в отчете «Доступность», средние оценки гендерной политики остаются самыми низкими. В 29 странах (чуть более 40 % стран, участвовавших в исследовании) отсутствуют значимые программы по обеспечению доступа женщин к интернету²¹.

Стоит отметить, что действующие Конституция Республики Узбекистан и Конституция Республики Каракалпакстан не содержат нормы о гарантиях доступа к информации, хотя данная норма содержится в Законе Республики Узбекистан «О гарантиях и свободе доступа к информации» от 26 апреля 1997 г. И в ст.3 данного закона закреплено: «Каждому гражданину гарантируется право доступа к информации. Государство защищает права каждого на поиск, получение, исследование, передачу и распространение информации», а ст.7 зафиксировано: «Государственные органы, органы самоуправления граждан, общественные объединения, предприятия, учреждения, организации и должностные лица обязаны обеспечивать каждому возможность ознакомления с актами законодательства, а также документами, решениями и иными материалами, затрагивающими его права и законные интересы. Доступ к информации обеспечивается путем опубликования и распространения актов законодательства и соответствующих материалов»²².

На наш взгляд, такое понимание доступа к информации является слишком узким и не взаимодействует с понятием «цифрового разрыва».

Думается, настало время внести соответствующие изменения и дополнения в Основной закон страны, и в Конституцию Республики Каракалпакстан, поскольку закрепление гарантии свободы доступа к информации в Основном законе послужит его незыблемости и обеспечению верховенства закона в целом.

Стоит отметить, что первые шаги в дальнейшем укреплении прав граждан в области свободы получения и распространения информации уже были определены в цели 89 «Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы», посвященной Году обеспечения интересов человека и развития махалли, утвержденному Указом Президента Республики Узбекистан № УП-60 от 28 января 2022 г., а именно:

- разработка проекта единого систематизированного нормативно-правового акта, регулирующего сферу информации;
- повышение культуры пользования гражданами информационно-коммуникационными средствами;
- предотвращение нарушения права неприкосновенности, связанного с опубликованием в сети интернет личных и конфиденциальных данных;
- создание системы предупреждения киберпреступности²³.

Узбекистан в качестве полноправного субъекта международного права является участником международных документов в области прав человека, и соблюдение и обеспечение всего спектра прав человека как в онлайн-, так и в офлайн-пространствах, требует дальнейших научных исследований в этой сфере.

Выводы и рекомендации:

- «цифровой разрыв» может проходить по различным основаниям: технологическому, географическому, социальному, гендерному, языковому и т.д., и поэтому требует внимания со стороны государства;
- при разработке нормативно-правовых актов, касающихся доступа к информации, должен исследоваться и изучаться «цифровой разрыв», и на этом основании в проекты должны включаться меры и нормы по преодолению конкретного «цифрового разрыва»;
- при разработке государственных программ должны быть всегда предусмотрены меры по преодолению «цифрового разрыва».

²⁰ См.: The Alliance for Affordable Internet, “Gender & Access Affordability Report Thematic Brief,” 2020, <https://1e8q3q16vyc81g8l3h3m d6q5f5e-wpengine.netdna-ssl.com/wp-content>.

²¹ См.: The A4AI Affordability Report 2020 <https://a4ai.org/affordability-report/report/2020>.

²² Закон Республики Узбекистан «О гарантиях и свободе доступа к информации» № 400-1 от 26 апреля 1997 г. // <https://lex.uz/docs/2118>.

²³ Указ Президента Республики Узбекистан от 28 января 2022 г. № УП-60 «О Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы» // <https://lex.uz/docs/5841077>.